

Въ другомъ мѣстѣ того же разказа онъ говоритъ:

«По истинѣ скажу, что предметъ, къ которому толкаетъ меня теперь дума моя, именно таковъ, къ которому подходить и отъ котораго отходить нужно не иначе, какъ вымывши руки самымъ лучшимъ французскимъ мыломъ. Но подходя къ Аннѣ Петровнѣ съ вымытыми руками, я вмѣстѣ съ тѣмъ вооружаюсь всею терпимостью, къ какой я только способенъ и за одно уже смываю съ себя чувство ненависти и къ Аннѣ Петровнѣ, и къ лицамъ въ родѣ ея, долгое обращеніе съ которыми отразилось на мнѣ такъ несчастливо, что мнѣ нужно вооружиться всею твердостью мысли для того, чтобы разумно отречься отъ злости на нихъ, ибо отъ вѣка не знали они, что творили, и увя, до самаго гроба не будутъ знать, что будутъ творить... Не на ваши головы падутъ грустные результаты нашей безмѣрной, національной дурн!» (тамъ же, стр. 120).

Но надъ мрачными думами въ душѣ писателя всегда брало верхъ то кроткое, любящее настроеніе, которое въ дѣйствительности составляло глубочайшую основу его характера. Отождествляя себя съ иными своими героями, Левитовъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ:

«Яркіе цвѣты моей молодости были безжалостно сожжены бурнымъ наплывомъ какихъ-то огненныхъ, невѣданныхъ мною тогда думъ, которыми, въ выпадахъ ихъ разрѣшенія, неудержимо повлекли меня на тѣсное знакомство съ людьми, отъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ ближніе убѣгаютъ за тысячи верстъ... Тотъ суровый міръ, въ которомъ она вращалась и вращается, безъ остатка выгналъ изъ моего сердца всѣ тѣ злыя движенія, руководствуясь которыми человѣкъ эгоистически около одного себя группируетъ какъ можно больше жизненныхъ благъ, увеличивая тѣмъ массу всеобщаго зла. Въ непобѣдимое терпѣніе заковали тѣло мое печальныя картины страдающаго міра, — и чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ непроглядно-темный фонъ ихъ, тѣмъ больше и больше наплываетъ въ душу мою любви и кротости, безъ свѣтлаго сіянія которыхъ и эти картины, такъ одушевленные воплями безконечной гибели безконечнаго множества людей, были бы мертвы...» (тамъ же, стр. 496—497).

И дѣйствительно, писатель не былъ вовсе пессимистомъ. Въ искренности его словъ убѣждаетъ весь господствующій тонъ его разказовъ. Съ какой любовью онъ останавливается на всѣхъ тѣхъ лицахъ и людскихъ отношеніяхъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ мягкое, человѣчное чувство; какъ тепло онъ рисуетъ картины материнской любви, дѣтской наивности, стариковскаго добродушія и любящей заботы, или выскрываетъ, въ загрубѣвшей отъ нищеты или ожесточенной жизни, примѣры добра, снисхожденія къ ближнему, защиты слабого; съ какимъ горькимъ сочувствіемъ рисуетъ онъ незаслуженное, беззащитное страданіе, и т. п. Цѣлый рядъ лицъ и эпизодовъ подобнаго рода проходить въ его разказахъ изъ всѣхъ періодовъ его писательства. Назовемъ разказы: «Цѣловальничиха», «Горбунъ», «Безпріютный», «Степные выселки», «Сыроѣдъ» (любопытная личность сельскаго дьякона), «Бабушка